

— Хозяин Сяо Юй, подожди минуту! — Чжоу Линъи выбежал из лечебницы следом за ними.

Юноша остановился.

Фан Вэньли, замерший чуть позади него, перевёл взгляд на руки лекаря: тот держал праздничное приглашение. Точно такое же сам учитель получил ещё несколько дней назад.

Лицо Линъи выражало крайнее смущение, но он всё же протянул конверт Тао Цинъюю.

— Возможно, сейчас не самое подходящее время для таких вестей, — проговорил он, — но я долго думал и решил: Чжу-гээр будет счастлив, если ты придёшь к нему на свадьбу.

Он украдкой покосился на спутника юноши. На самом деле, передавая это приглашение, он наполовину преследовал цель помочь другу. Он сам уже был без пяти минут женат, а Фан Вэньли всё ещё кружил вокруг своего гээра, словно побитый пёс. Честно говоря, это зрелище вызывало у Чжоу Линъи одновременно и смех, и искреннюю жалость.

Никогда прежде он не видел, чтобы его названный брат вёл себя так робко и униженно.

Сердце у Учителя Фана было холодным, а мысли — глубокими и мрачными. Он обладал острым умом и хваткой: если уж чего-то хотел, то неизменно добивался своего. Но именно перед «хозяином Сяо Юем» он годами прикидывался благородным мужем, не решаясь сделать и шага, действовал с предельной осторожностью, словно боялся спугнуть редкую птицу.

Конечно, со временем он сумел примелькаться Цинъюю и даже самодовольно планировал свадьбу. Но жизнь распорядилась иначе, и несчастный случай в семье Тао спутал все планы.

Тем не менее, за десять с лишним лет мужчина ни разу не изменил своему выбору, что ясно говорило о том, какое место в его душе занимал этот продавец рыбы. А раз так, лекарь решил, что как верный товарищ он обязан подтолкнуть их друг к другу.

Юноша никак не ожидал получить приглашение от семьи Чжоу.

— Так скоро? — прошептал он, глядя на дату.

Собеседник кивнул с мягкой улыбкой:

— Назначили на шестое число первого месяца. Я уже не в том возрасте, чтобы тянуть, да и родные торопят. К тому же во втором полугодии хороших дней для свадьбы почти не осталось, так что выбрали этот.

— Хорошо, я обязательно приду, — Тао Цинъюй бережно спрятал приглашение.

События последних дней навалились на него тяжким грузом: беда в доме, а теперь вот лучший друг внезапно уходит в чужую семью. Голова шла кругом. Прощаясь с лекарем, юноша оступился на ступенях и чуть не полетел вниз.

Фан Вэньли среагировал мгновенно, подхватив его под локоть. Под его пальцами ощущались лишь кости, обтянутые тонкой кожей — казалось, нажми чуть сильнее, и гээр рассыплется.

— Осторожнее, — учитель нахмурился, в его взгляде мелькнула тревога.

Цинъюй лишь мотнул головой, пытаясь прогнать дурноту.

— Спасибо.

Переулок Цзиньфу.

Они вместе подошли к воротам дома семьи Фан. Зима была в самом разгаре, стояли лютые холода, но два дерева османтуса у входа выглядели на диво густыми и зелеными. Их листва, словно пышный изумрудный балдахин, укрывала массивные двери.

Калитка была приоткрыта — Фан Вэньли лишь слегка толкнул её.

— Заходи, отдохнёшь немного.

Он не спешил проходить внутрь, ожидая, пока спутник подойдёт ближе. Юноша бросил на него короткий взгляд и последовал за ним.

Цинъюй впервые переступил этот порог. В отличие от вечно цветущих деревьев снаружи, внутренний двор красноречиво говорил о том, что хозяин не слишком жалуется садоводство. Весь двор был вымощен чистым синим кирпичом, тщательно подметённым. Посредине стояли каменный стол и несколько табуретов — и больше ни единого ростка, ни единого цветка.

Юноша присел на край табурета, а Фан Вэньли налил ему чашку чая, стоящую на столе, прежде чем уйти в дом. Над чашкой поднимался лёгкий пар, согревая лицо своим теплом.

«В чай добавили мёд»

Цинъюй пригубил напиток: вкус оказался неожиданно сладким, с едва уловимой терпкостью. Чувствуя, как в горле застрял комок, он медленно допил всё до капли.

На кухне кто-кто хлопотал, двигаясь почти бесшумно. Должно быть, это был слуга, вечно следовавший за учителем... кажется, его звали А Сю?

Не успел гость закончить мысль, как этот самый слуга вынес несколько тарелок с десертами.

— Хозяин Сяо Юй, попробуйте, только из печи.

— Благодарю.

А Сю почтительно кивнул и тут же исчез в глубине двора.

Дверь в главную комнату была открыта. Вскоре из неё вышел Фан Вэньли, неся в руках несколько нарядных свертков с подарками — всё это он приготовил заранее. Положив ношу на стол, он сел напротив Цинъюя.

Всё то время, что мужчина провёл в доме, он украдкой наблюдал через окно за гостем. Гээ сидел неподвижно и безмолвно. Он выпил предложенный чай, но к сладостям даже не прикоснулся.

Юноша поставил чашку.

— Можем идти?

Фан Вэньли, опасаясь, что тот совсем ослаб от голода, спросил:

— Может быть, сначала пообедаешь?

— Я не голоден, — отрезал Цинъюй.

Травма отца стала для него слишком сильным ударом. За всё это время он едва притрагивался к еде, из-за чего исхудал до неузнаваемости. Собеседник не стал настаивать; он подхватил вещи, и они вышли на улицу.

В переулке Цзиньфу жизнь кипела: толпы людей, гомон торговцев, бесконечные лотки с едой и питьём. Усадив юношу в повозку, Фан Вэньли велел вознице притормозить у лавки с баоцзы и купил несколько штук.

Внутри кабины Цинъюй сидел, прислонившись лбом к стопке пакетов с лекарствами, и пытался забыться сном. Почувствовав аппетитный запах свежего теста, он сначала решил, что аромат доносится с улицы, и не придавал этому значения.

Фан Вэньли вошёл внутрь и сел напротив. Повозка была тесной, а у мужчины были длинные ноги, так что ему пришлось сесть боком, чтобы случайно не задеть гээра. Окна были плотно закрыты для тепла, и внутри царил полумрак.

Когда глаза привыкли к темноте, учитель принялся внимательно изучать лицо юноши. Видя его впалые щёки и нахмуренные во сне брови, он невольно сжал бумажный пакет в руках. Услышав шуршание бумаги, он опомнился и раскрыл сверток. Но этот звук не вызвал у Цинъюя ни малейшего интереса.

— Сяо Юй.

Юноша лишь ниже склонил голову, уткнувшись лбом в лекарства. Когда человек доведён до крайнего истощения, он становится безразличен ко всему окружающему. Сейчас, когда в кармане наконец лежали деньги и тяжкий камень на душе чуть приподнялся, продавцу рыбы хотелось только одного — провалиться в сон.

Пакеты с лекарствами мягко, но решительно отодвинули в сторону. Цинъюй вскинул голову и в упор посмотрел на того, кто посмел его потревожить.

— Съешь немного, — мягко проговорил Фан Вэньли.

— Не хочу, — юноша облизнул сухие губы. В тусклом свете его лицо казалось мертвенно-бледным.

Мужчина точно знал, на какую струну нажать:

— За это заплачено серебром. Если не съешь, придётся выбросить.

— Ну и выбрасывай... — Цинъюй осекся на полуслове.

Он просто не мог заставить себя сказать такое о еде. Скрепя сердце, он взял теплый баоцзы и начал медленно жевать. Но не успел он проглотить и половины, как желудок предательски сжался. Юноша поспешно отложил сверток и, закрыв рот рукой, согнулся в приступе тошноты.

Фан Вэньли изменился в лице. Он тут же выхватил платок, помогая спутнику, и начал осторожно поглаживать его по спине. Под ладонью отчетливо проступали позвонки; гээр напоминал струну, натянутую до предела — казалось, она вот-вот лопнет.

Услышав шум, возница тут же придержал лошадей. Цинъюй выскочил наружу и присел у края дороги, задыхаясь. Учитель бросился следом и только теперь, при свете дня, увидел, как плох юноша.

— Вот те на! Такая хорошая повозка, а парень её испачкал! — запричитал возница. — Повозка-то не моя, артельная! Как я теперь клиентов возить буду, если тут такая нечистота?

— Прошу прощения, — голос Фана был холодным как лед, и от его тона возница тут же поумерил пыл.

Ехать дальше в этой повозке было нельзя. Учитель расплатился, добавив сверху серебра на чистку. Он хотел было велеть кучеру вернуться в город за другим экипажем, но Цинъюй крепко вцепился в его запястье.

— Не нужно...

Ладонь юноши была обжигающе горячей.

— Так звать другого или как? — недоуменно переспросил возница.

Фан Вэньли кивнул.

Когда они остались одни на пустой дороге и Цинъюй перестало рвать, мужчина коснулся тыльной стороной ладони его лба. Жар был ненормальным.

— Ты болен, — констатировал он, глядя юноше в глаза.

Цинъюй попытался встать, но мир перед глазами пустился в пляс. Даже когда он зажмурился, головокружение не отступило. Бесконечная беготня, тревоги и зимняя стужа окончательно подкосили его. Болезнь, долго копившаяся внутри, наконец прорвалась наружу.

Юноша не мог удержаться на ногах и хотел было снова присесть, но спутник крепко держал его. Тогда Цинъюй, не в силах больше сопротивляться, просто прислонился лбом к плечу учителя.

Фан Вэньли в своём длинном халате выглядел утонченным ученым, которого, казалось, может свалить любой порыв ветра. Но под тканью скрывались крепкие плечи и сильная спина. От него исходило живое тепло, дарующее покой.

Подбородок мужчины коснулся мягких волос гээра, и тело его на миг одеревенело. Лишь спустя мгновение он заставил себя расслабиться. Опустив взгляд на юношу, который в полубезытии прижимался к нему, он осторожно обнял его за талию одной рукой. Другой рукой

он распахнул свой плащ и плотно укутал им Цинъюя.

— Потерпи, сейчас всё будет хорошо.

В нос ударил едва уловимый, чистый аромат... Юноша закрыл глаза и, сам того не заметив, потерял сознание.

Дом семьи Тао.

Приближался полдень. Раз в доме была гостя, нельзя было не накрыть стол.

Фан У радушно предложил:

— Тётушка Мэн, оставайтесь у нас пообедать.

Пусть они и не могли похваться изысканными яствами, но семья Тао знала законы гостеприимства. В чане плавало несколько карасей, да и зарезать курицу было не жалко — всё равно домашним давно не перепало ничего сытного, так хоть вместе подкрепятся.

— Что же, не стану отказываться, — улыбнулась госпожа Мэн. — Как раз я привезла кое-что с собой, приготовим всё вместе.

Только тогда хозяева, поначалу не хотевшие принимать дары, осознали, что в тюках были не только лекарства, но и горы провизии: мука, крупы и даже свежая птица с мясом.

Глядя, как слуга порция за порцией перетаскивает продукты на кухню, они лишились дара речи. Это было похоже не на визит вежливости, а на поставку продовольствия для целого отряда.

— Да как же так можно! — запричитали все, пытаясь остановить слугу.

Но госпожа Мэн Суцзин мягко отодвинула Фан У и Ян Цюэ в сторону.

— Мы теперь одна семья, к чему эти церемонии? — со смехом проговорила она.

Члены семьи Тао лишь переглянулись в недоумении: «Когда это мы успели породниться?»

Мэн Суцзин относилась к Фан Вэньли как к сыну и ради его счастья была готова на всё.

Изначально она планировала просто вручить дары, посидеть немного и уйти, оставив о себе доброе впечатление. Но, разговорившись с хозяевами, она вдруг почувствовала, как ей по душе их простота и искренность. В уезде городские дамы жили в достатке, но вечно соревновались друг с другом в роскоши. Или же без конца обивали её порог, надеясь через её мужа пристроить своих детей в академию. Жизнь там была утомительной и душной. «Вот когда старик перестанет учительствовать, — подумала она, — купим домик в деревне и будем жить так же тихо».

После долгих уговоров семья Тао сдалась и принялась готовить обед из принесенных продуктов.

На кухне, как обычно, заправлял Фан У. Но место у печи, где обычно сидел Ян Цюэ, внезапно заняла гостья.

— Ну что вы, ваша одежда... — в отчаянии прошептал Фулан Тао. Старые люди — что дети: если что вобьют себе в голову, не переубедишь. Узнав, что собеседница — ровесница его свекрови, Фан У совсем растерялся и не знал, как ей перечить.

— Пустяки! — отмахнулась госпожа Мэн. — Одежда — дело наживное, испачкается — постираем. Я ведь тоже не белоручкой родилась, всю жизнь у плиты провела. Не стесняйтесь меня.

Хоть дом был крыт соломой, внутри царилла безупречная чистота. Каменную плиту на кухне протирали после каждой готовки, так что даже пятен жира на ней почти не было. Пока хозяин мыл котел, Ян Цюэ и Сун Хуань занимались овощами. В главной комнате отдыхали старики, а дети крутились рядом с ними. Самый младший брат присматривал за ранеными.

На кухне было шумно и весело. Тётушка Мэн, подбрасывая дрова, без умолку болтала. Несмотря на то, что она впервые переступила этот порог, к середине обеда она стала для семьи Тао почти своей.

Вспомнив о делах Фан Вэньли, она невольно вздохнула. Молодые люди часто видят всё в простом свете: он просил её прийти лишь для того, чтобы закрепить сделку и добиться своей цели. Но настоящие узы строятся на искренности. Семья Тао ничего не знала о прошлом учителя и его истинном характере. Раз уж он сам молчал, сказать должна была она.

— У-гээр, знал ли ты раньше этого сорванца, Цунлю?

Фан У, замешивая тесто, ответил:

— Знаю только, что его дед по материнской линии был из нашей деревни.

— Верно. В своё время история его родителей наделала много шума, об этом все слышали. Но я

расскажу вам то, чего не знают другие, — Суцзин видела, что учитель твердо намерен жениться, а значит, скрывать было нечего. — Дед его был ученым-сюцаем и сам обучал внука. Мой старик говорил, что мальчик с детства был необычайно одаренным, и если дать ему образование, он добьется великих высот. Вроде бы радость, да только беда пришла откуда не ждали: мать его была женщиной недалекой, а отец — тщеславным донельзя. Они вбили себе в голову, что сын обязан стать чиновником, хочет он того или нет.

Хозяин дома замедлил движения, прислушиваясь. Об этом они и впрямь не догадывались.

— В итоге он и в самом деле стал сюцаем в юном возрасте, — сокрушалась гостья. — И столичные экзамены сдал с первого раза. По всем расчетам он должен был попасть на высшие испытания, и мой муж прочил ему... Эх! Если бы он приложил усилия, то мог бы стать «первым из лучших». Но в какой-то момент он уперся и наотрез отказался продолжать учебу.

Улыбка исчезла с лица госпожи Мэн.

— Родители прибежали в академию, устроили скандал. Цунлю тогда было всего пятнадцать, но характер у него уже был железный: сказал «не буду», и всё тут. Отец от злости хотел забрать его из школы, но мой старик не дал в обиду талантливого ученика и поручился за него.

— Тяжело ему пришлось, — вздохнул Фан У.

— И не говори! — тётушка подбросила веточку в огонь. — А что было дальше, вы и сами знаете. Родители его развелись, каждый завел новую семью. Мать давно уехала из уезда Миншуй, а отец стал в городе видным торговцем. Только вот Цунлю с ними знаясь не хочет и все связи разорвал, так что в будущем они вам не помеха. Всё, что у него есть сейчас — дом, положение — он добыл своим трудом. Мы растили его на своих глазах и можем поручиться: человек он честный и надежный.

Фан У внимательно слушал эти откровения. Он понимал, что гостья говорит это из лучших побуждений, желая прояснить ситуацию. Он также чувствовал, что интерес Учителя Фана к их сыну — не минутная прихоть. О таких вещах не рассказывают первому встречному, только если намерения серьезны.

Фулан Тао сам понимал жизнь. Он догадывался, что визит этой почтенной дамы — не просто «знак внимания», а молчаливое сватовство. Но, несмотря на всё расположение к учителю, он не мог дать никаких обещаний — всё зависело от решения его сына. Поэтому он лишь вежливо улыбался в ответ, не говоря ни «да», ни «нет».

Лечебница семьи Чжоу.

Чжоу Линъи, увидев вернувшихся друзей, нескрывая удивился:

— Вы чего это вернулись? Неужто хозяин Сяо Юй передумал и решил вернуть деньги?

— Ему плохо, — коротко бросил Фан Вэньли, внося на руках плотно укутанного в плащ Цинъюя прямо в кабинет.

— Только что ведь был в порядке! — проворчал лекарь, но тут же принялся за осмотр.

Юноша очнулся от тяжелого забытья. Увидев знакомые стены, он тут же попытался сесть, опираясь на руки.

— Не нужно... я в норме...

— Тебя уже осмотрели, — раздался голос мужчины.

Учитель сидел рядом на низком табурете. Для его высокого роста сиденье было совсем крошечным, колени едва не касались груди — вид у почтенного наставника был почти комичный, если бы не серьезность его лица.

В нос Цинъюю ударил резкий запах трав. Он облизнул губы: во рту остался сладковатый привкус с легкой горечью. Значит, его уже успели напоить снадобьем... Неудивительно, что в теле появилась приятная легкость.

— Спасибо.

— Выпей каши, — Фан Вэньли пододвинул к нему небольшую миску, стоявшую на столике.

— Я...

Встретившись взглядом с учителем, Цинъюй понял, что спорить бесполезно, и послушно взял миску. Видя, что юноша начал есть, мужчина вышел во двор. Там Чжоу Линъи с аппетитом уплетал обед. Заметив друга, он кивнул на еду:

— Будешь?

— Я ел, — отрезал учитель.

Лекарь заметил тень, залегшую в его глазах, и со вздохом произнес:

— Да не терзайся ты так. У Сяо Юя крепкое здоровье, просто он вымотался до предела за эти дни. Покой, хорошая еда — и скоро он снова будет в строю.

В этот момент из комнаты вышел Цинъюй.

— Доктор Чжоу.

Взгляд Фан Вэньли тут же переместился на юношу. Одежда на нем висела мешком, подчеркивая болезненную худобу.

— Уходите? — спросил лекарь.

Цинъюй кивнул.

Чжоу Линъи, не прерывая трапезы, весело замахал рукой:

— Ну, ступайте, ступайте. Лекарства не забудьте!

Юноша потянулся за кошельком, но спутник уже был рядом.

— За осмотр заплачено.

Продавец рыбы замер.

— Спасибо...

На лбу у него выступила испарина, лихорадочный румянец сошел, и теперь он напоминал пожухлую от мороза траву — слабый и поникший. Но даже в таком состоянии он не забывал о вежливости. Фан Вэньли, вспомнив, сколько раз за сегодня услышал это «спасибо», лишь сухо кивнул.

— Идём, — бросил он и направился к выходу.

Цинъюй посмотрел на его руки, полные свертков и пакетов, и на свои пустые ладони. Чувствуя неловкость, он попытался забрать часть ноши. Мужчина ловко уклонился, укладывая вещи в повозку, а затем отступил, пропуская юношу вперед. Юноша чувствовал, что учитель чем-то расстроен, но расспрашивать не решился.

Когда гээр устроился в экипаже, Фан Вэньли тоже вошёл внутри. Должно быть, он совсем замерз снаружи, подумал Цинъюй, и молча прислонился к стенке, поддаваясь мерному покачиванию повозки. Учитель набросил на него принесенный плащ. Юноша на миг напрягся, но промолчал.

— Ты еще не выздоровел.

— Спасибо.

В полумраке кабины было так тихо и тепло, что Цинъюй, спрятав подбородок в мягкий мех плаща, снова незаметно уснул.

Полдень миновал. Все, кому полагалось, уже пообедали. В доме Тао прибрали со стола, и госпожа Мэн уже собиралась откланяться.

Дом их стоял на отшибе, и обычно здесь было тихо. Но не успела гостя попрощаться, как у калитки поднялся шум: несколько женщин, толкаясь и переругиваясь, наперебой спешили к дому с сияющими улыбками. Забор был невысоким, и их накрашенные лица, украшенные искусственными цветами, были видны как на ладони. На всех были нарядные, почти праздничные платья.

— Фулан Тао дома?! — закричали они, едва поравнявшись с двором. Кто-то колотил в ворота, кто-то звал через ограду — каждая старалась перекричать другую.

— Что вам угодно? — спросил Фан У, выходя на крыльцо.

Ян Цюэ бросился было открывать, но Сун Хуань вовремя перехватила его за воротник.

— Куда ты летишь? Не видишь, что ли, — они все разодеты как на ярмарке. Понятно же, зачем пришли.

— Гляди-ка, — Ян Цюэ кивнул на забор.

Сун Хуань увидела, как несколько баб, не дождавшись ответа, начали перелезать через изгородь. А забор-то был старый и хрупкий! Под их весом он жалобно затрещал и начал осыпаться.

Хозяин открыл калитку, и толпа мгновенно хлынула во двор. Свахи скалились в улыбках, но при этом активно работали локтями, стараясь первыми пробиться к мужчине.

— Да что же это такое?! По какому праву вы врываетесь? — возмутился Фан У.

Но его слова потонули в гомоне. Чья-то рука вцепилась ему в плечо:

— Фулан Тао, радость-то какая! Я пришла посватать вашего сына за младшего сына семьи Гуань из деревни Сяомяо!

— Ой, да неужто это сам Фулан Тао! — провизжала другая, костлявая и юркая баба, отпихивая конкурентку. — Слыхала я, что красота вашего сына — первая на всю округу, теперь вижу — весь в папочку! Я от семьи Цяо, пришла за племянника просить...

— А ну пошли прочь! — рявкнул Фан У, и перед ним тут же возникло новое, притворно-сладкое лицо.

— Фан У, дорогой, ты ведь меня помнишь? Я из твоей родной деревни. Фан Чжи, знаешь такого? Его семья хочет...

От этого многоголосого гвалта у хозяина разболелась голова.

— Довольно! — он с силой сбросил чужую руку со своего плеча. — Мой муж тяжело болен, и нашему сыну сейчас не до свадеб. Слышать ничего не хочу о сватовстве.

Многих из этих женщин он знал и раньше — они уже приходили с подобными предложениями, но тогда каждая норовила выставить его сына чуть ли не порченным товаром. У Фан У не осталось о них ни одного доброго воспоминания.

— Прошу вас, уходите, — холодно произнес он.

Радость на лицах свах мгновенно сменилась обидой. Они пришли, уверенные, что в нынешнем бедственном положении семья будет хвататься за любую возможность получить серебро. Кому, как не им, знать, что гордость в нищете — плохой советчик? И вдруг такой отказ!

— Уходить?! — взвизгнула одна из них. — Так-то вы гостей принимаете? Мы из такой дали тащились, а вы нас даже чаем не напоили и гоните взашей! Думаете, больно вы нам нужны?

Хозяин перестал улыбаться.

— Я не хочу применять силу. Уходите.

Другая сваха, его односельчанка, увидев, что дело принимает дурной оборот, притворно вздохнула:

— Мы же из добрых побуждений... Муж твой при смерти, а жить-то как-то надо. Сыну всё равно замуж выходить, не вечно же ему в гээрах сидеть?

— Я своего ребенка не продаю, — твердо отрезал Фан У. — И не видел я еще таких отцов, что выдают детей замуж, пока их мужья борются со смертью.

— Ах ты... — задохнулась от возмущения сваха.

— Разговор окончен. Прощайте.

Видя такую непреклонность, одна из женщин в сердцах выкрикнула:

— Значит, сына он не продает! А чего же тогда эта старуха у вас в доме делает?! Неужто её жених лучше наших? Посмотрите на них — сами по миру идут, а гостей принимают как князей, стол ломится!

— Да что вы несете! — возмутился Ян Цюэ.

— А разве я лгу?! — Сваха, чувствуя поддержку товарок, распалась всё сильнее. — Посмотрите на неё! Одета в шелка, а вы перед ней стелетесь! Это ли не подлость по отношению к нам, честным свахам? Теперь, когда другим вашим сыновьям понадобится пара, и не думайте к нам обращаться!

Мэн Суцзин, до того молча наблюдавшая за сценой, спокойно произнесла:

— Я пришла сюда не как сваха.

Худая сваха уперла руки в бока:

— Да неужели?! Не держи нас за дур! Сегодня утром ты в нарядном алом платье стояла у ворот и преградила путь Юй-гээрю. Если это не сватовство, то что?! Мы не первый год этим хлебом зарабатываем, нас не проведешь!

Гостья на миг замерла. В её глазах мелькнуло недоумение, которое тут же сменилось ясным осознанием.

«Ах ты, паршивец!»

Она наконец поняла, как ловко этот мальчишка, Фан Вэньли, обвел её вокруг пальца. Теперь стало ясно, почему он так настаивал, чтобы она надела алое — свадебный цвет. Те слова, что она сказала Циньюю утром, были его наставлением, и она-то думала, что это лишь часть

спектакля. Она планировала наладить отношения с семьей Тао как добрая наставница, а оказалось, что она сама стала частью его хитроумного плана «пометить территорию».

«Ну и пройдоха!» — тихо выругалась про себя Мэн Суцзин, едва сдерживая улыбку.

Члены семьи Тао, хоть и были простыми людьми, умели чувствовать фальшь. Глядя на искреннюю реакцию тётушки Мэн и вспоминая её доброе поведение, они лишь утвердились в своем расположении к ней и к Фан Вэньли. Да, они понимали, что за её визитом стоит определенный интерес, но она, в отличие от этой галдящей толпы, не пыталась их унижить. Контраст был разительным.

Повозка мерно катилась по деревенской дороге. Когда до дома осталось совсем немного, Фан Вэньли увидел, что юноша всё еще крепко спит, прижавшись к его плечу. Весь путь учитель не мог отвести взгляда от его лица, жадно изучая каждую черточку, словно не мог наглядеться.

Дорога к дому Тао была слишком узкой для экипажа. Фан Вэньли осторожно коснулся щеки Цинъюя, будя его. Гээр шевельнулся и, еще не проснувшись окончательно, только теснее прильнул к его плечу. Уголки губ учителя дрогнули в улыбке.

— Сяо Юй.

Цинъюй сонно потерся головой о ткань его халата и вдруг замер. Осознав, где находится, он мгновенно отпрянул и, откинув занавеску, выскочил из повозки. Ноги его подкосились, и он едва не упал, успев вовремя ухватиться за борт кабины.

Учитель мельком глянул на свое плечо, не обращая внимания на помятую ткань. Забрав вещи, они вместе направились к дому. Они шли один за другим, и любопытные взгляды соседей сопровождали их на каждом шагу.

Когда они подошли к калитке, из-за забора донесся яростный крик:

— Ну и катитесь! Видать, ваш сын нашел птицу высокого полета! Гордитесь, Тао, гордитесь! Можете всем домом в город переезжать, раз вы такие важные!

Тао Цинъюй с силой распахнул ворота.

Хлоп!

Все присутствующие разом замолчали и обернулись. Лицо юноши было бледным от болезни, но взгляд горел прежней яростью.

— Опять псины лают у нашего порога? — звонко бросил он. — Что, своих ворот нет, раз вы решили в чужом доме гонор показывать?!

Женщина, которая только что кричала, захлебнулась от возмущения и уже приготовилась разразиться ответной бранью, но, увидев стоящего за плечом юноши Фан Вэньли, мгновенно осеклась и потеряла дар речи.

<http://bllate.org/book/15858/1443127>